

*Наумкина В.М.,
Студент 4 курса института «Истории и права»
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского,
Калуга, Россия
Научный руководитель: Александров А.Ю.,
доцент кафедры юриспруденции,
кандидат юридических наук, доцент
Калужский государственный университет Им. К.Э. Циолковского
Россия, г. Калуга*

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМА АУТЕНТИЧНОСТИ И ДОСТОВЕРНОСТИ

***Аннотация:** Статья посвящена проблемам использования электронных доказательств в арбитражном процессе Российской Федерации. В условиях цифровизации экономических отношений и повсеместного внедрения электронного документооборота суды все чаще сталкиваются с необходимостью оценки аутентичности и достоверности доказательств, представленных в электронной форме. В данной работе анализируются три ключевые проблемы: проверку скриншотов переписки из мессенджеров при заявлении о фальсификации, отсутствие четких критериев относимости электронных доказательств, а также проблему признания юридической силы смарт-контрактов как доказательств.*

***Ключевые слова:** арбитражный процесс, электронные доказательства, аутентичность, достоверность, мессенджеры, смарт-контракт, фальсификация.*

Abstract: *The article is devoted to the problems of using electronic evidence in the arbitration process of the Russian Federation. In the conditions of digitalization of economic relations and the widespread introduction of electronic document management, courts are increasingly faced with the need to assess the authenticity and reliability of evidence presented in electronic form. This paper analyzes three key problems: the verification of screenshots of correspondence from instant messengers when a claim of falsification is made, the lack of clear criteria for the relevance of electronic evidence, and the problem of recognizing the legal force of smart contracts as evidence.*

Keywords: *arbitration process, electronic evidence, authenticity, reliability, messengers, smart contract, falsification.*

В эпоху цифровизации все больше юридически значимых операций переносится в электронную среду. Соглашения оформляются через email и мессенджеры, обсуждения записываются в чатах, а контроль за выполнением обязательств ведется в цифровых платформах. Это вызвало потребность в перестройке классических процессуальных механизмов для эффективной работы с новыми формами доказательств.

Положения части 3 статьи 75 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) [1] прямо санкционируют использование в качестве письменных доказательств материалов, полученных посредством факсимильной, электронной или аналогичных видов связи. Тем не менее, само по себе законодательное закрепление возможности оперирования электронными доказательствами не снимает главной проблемы: как судебный орган может гарантировать их подлинность и надежность? Если традиционный документ на бумажном носителе обладает такими верифицирующими элементами, как реквизиты, собственноручная подпись, печать и может быть подвергнут графологическому исследованию, то цифровые артефакты – например, скриншоты диалогов, файлы из

мессенджеров, записи видеоконференций – чрезвычайно уязвимы для фальсификации, редактирования или модификации без оставления явных следов, особенно в контексте стремительного прогресса искусственного интеллекта. Как метко замечают эксперты, «электронные доказательства постепенно обретают четкие очертания, дающие возможность их использования наравне с иными доказательствами» [2, с. 45]. Отсутствие ясности в правовом регулировании вопросов допустимости и оценки электронных доказательств порождает риски для добросовестных субъектов гражданского оборота и, напротив, создает благоприятную среду для неправомерных действий.

Прежде чем приступить к рассмотрению специфических трудностей, необходимо четко определить, что именно подразумевается под термином «электронные доказательства» в арбитражном судопроизводстве. [6] Важно отметить, что действующее законодательство не содержит официального определения этого понятия. Нормативно регламентированы лишь общие принципы, касающиеся доказательств и процесса доказывания, независимо от метода их фиксации.

В рамках правовой доктрины электронные доказательства традиционно определяются как цифровая информация, обладающая релевантностью для эффективного и справедливого разрешения судебных споров. Однако подобная дефиниция, на наш взгляд, не в полной мере отражает существенные различия, отделяющие электронные свидетельства от их материальных аналогов. Как метко подмечает А.Т. Боннер, "электронный документ всегда подвергается трансформации в формат, доступный для человеческого восприятия, и, по сути, судебный орган, рассматривающий дело, никогда не взаимодействует с самим электронным документом, а лишь с его адаптированной для человека версией" [2, с. 46]. Это обстоятельство выявляет фундаментальную методологическую проблему: суд оперирует не подлинником электронного документа в его исходной "цифровой среде"

(например, файлом на носителе или сервере), а его репрезентацией – копией, распечаткой или снимком экрана. Следовательно, возникает серьезный риск фальсификации или искажения данных на любом этапе жизненного цикла доказательства – от его генерации до момента представления в судебную инстанцию.

Согласно зарубежной практике, данные, существующие в электронном виде, определяются как ESI (Electronically Stored Information). Процесс e-discovery (электронное раскрытие доказательств) охватывает специальные процедуры для работы с такой информацией — от её запроса до проверки и представления. В российском арбитражном процессе аналогичные механизмы находятся в стадии формирования, что создает правовую неопределенность.

Наиболее распространенной и одновременно наиболее проблемной категорией электронных доказательств стали скриншоты (снимки экрана) переписки из мессенджеров. [3] Проблема аутентичности скриншотов складывается из нескольких аспектов:

- Техническая невозможность проверки. Суд, как правило, не имеет доступа к серверам мессенджеров, которые в большинстве случаев находятся за пределами юрисдикции РФ и не предоставляют API для судебных запросов. Даже если бы такой доступ был, содержание переписки в мессенджерах с end-to-end шифрованием (Telegram, WhatsApp) не хранится на серверах в читаемом виде.

- Легкость фальсификации. Существуют многочисленные программы-«фейки», позволяющие создать скриншот любой переписки с любыми данными. Отличить подлинный скриншот от сфальсифицированного визуально практически невозможно.

- Проблема идентификации абонента. Даже если подлинность скриншота не вызывает сомнений, необходимо доказать, что номер телефона, с которого велась переписка, принадлежит именно ответчику. Операторы

связи предоставляют такие сведения только по судебному запросу, и этот процесс занимает значительное время.

Судебная практика свидетельствует о скептическом отношении к скриншотам со стороны судов. Статья 67 АПК РФ устанавливает, что арбитражный суд принимает только те доказательства, которые имеют отношение к рассматриваемому делу.[1] Однако применительно к электронным доказательствам критерии относимости оказываются размытыми. Основной вопрос: может ли переписка в мессенджере подтверждать юридически значимые обстоятельства, если стороны прямо не согласовали такой способ обмена сообщениями в договоре? Судебная практика по этому вопросу не единообразна. Одни суды принимают скриншоты и распечатки электронной переписки как надлежащие доказательства, другие – отвергают их, ссылаясь на «невозможность проверки» или отсутствие соглашения сторон об использовании конкретного мессенджера.

Центральное место среди исследуемых сложностей занимает вопрос смарт-контрактов. Эти программные коды, размещенные в блокчейне, обладают способностью к самоисполнению при наступлении заранее оговоренных условий.[4] По мере своего развития смарт-контракты активно внедряются для формализации и последующего исполнения различных обязательств. Однако, когда речь заходит о предоставлении смарт-контракта в арбитражный суд в качестве доказательства, возникают существенные, почти непреодолимые барьеры.

Проблема 1: Нечитаемость для суда.

Смарт-контракт написан на языке программирования (Solidity, Rust и др.). Судья, не обладающий специальными познаниями в области программирования, не может самостоятельно проверить, какие условия заложены в коде и как они сработали. Формально для этого может быть назначена экспертиза (ст. 82 АПК РФ), однако экспертиза блокчейн-кода

требует высокой квалификации и значительных затрат. Кроме того, возникает вопрос: что именно является объектом экспертизы – сам код или его исполнение в конкретной транзакции?

Проблема 2: Анонимность участников.

В публичных блокчейнах (Ethereum и др.) стороны могут быть анонимными или псевдонимными. Установить, что именно ответчик является владельцем криптокошелька, с которого отправлена транзакция, крайне сложно. Даже если удастся связать кошелек с конкретным лицом (например, через данные криптобиржи), этот процесс требует международного сотрудничества и значительных временных затрат.

Проблема 3: Отсутствие легального определения.

Ни АПК РФ, ни ГК РФ не содержат понятия «смарт-контракт». Статья 160 ГК РФ допускает фиксацию сделки с помощью технических средств, однако эта норма слишком обща для регулирования блокчейн-отношений.[3]

В научной литературе справедливо отмечается, что «электронные доказательства постепенно обретают четкие очертания», однако применительно к смарт-контрактам этот процесс находится в самой начальной стадии. Пока отсутствует легальное признание смарт-контрактов как формы сделки, их использование в качестве доказательств будет оставаться проблематичным.

На основе проведенного анализа предлагается комплекс мер, направленных на решение выявленных проблем.

Первым и необходимым шагом должно стать внесение изменений в АПК РФ, направленных на закрепление особенностей работы с электронными доказательствами. Предлагается:

-Дополнить статью 75 АПК РФ пунктом, определяющим понятие электронных доказательств и устанавливающим специальные требования к их форме. В частности, следует закрепить, что скриншоты переписки из мессенджеров принимаются судом только при условии их нотариального

заверения, если стороны не согласовали иной порядок фиксации переписки в договоре.

-Ввести в АПК РФ отдельную главу, регулиующую порядок истребования электронных доказательств. В ней следует предусмотреть критерии оценки обоснованности ходатайства об истребовании, а также последствия неисполнения обязанности по предоставлению информации.

-Дополнить Гражданский кодекс РФ статьей, легализующей смарт-контракты как особую форму сделки.

Наряду с правовыми механизмами, важную роль играют технологические решения. Предлагается:

-Создание реестра хэш-сумм электронных документов на базе ГАС «Правосудие». Сторона, направляющая контрагенту юридически значимое сообщение, может одновременно направить его хэш (цифровой отпечаток) в систему. При возникновении спора суд сравнивает хэш представленного документа с зарегистрированным в системе, что позволяет подтвердить неизменность документа с момента регистрации.

-Развитие систем электронного документооборота с юридически значимой фиксацией. Такие системы уже существуют (например СБИС), но их использование не является обязательным. Предлагается стимулировать переход на такие системы.

-Для смарт-контрактов – создание реестров верифицированных смарт-контрактов, где код контракта проходит предварительную экспертизу и регистрируется. В этом случае представление в суд выписки из такого реестра будет достаточным доказательством содержания смарт-контракта.

Таким образом, электронные доказательства прочно вошли в практику арбитражного процесса и стали его объективной реальностью. Однако существующий правовой инструментарий пока не обеспечивает достаточной эффективности при проверке их аутентичности и достоверности. Особую сложность представляет верификация цифровых данных: отсутствие единых

стандартов фиксации, хранения и передачи информации создаёт риски фальсификации и затрудняет оценку доказательной силы таких материалов.

Отдельного внимания заслуживают смарт-контракты — перспективная форма фиксации обязательств, основанная на технологии распределённых реестров. Несмотря на потенциал повышения прозрачности и снижения издержек, они практически не используются в судебной практике. Это обусловлено как высокой технической сложностью их структуры, так и отсутствием чёткого легального определения в действующем законодательстве, что не позволяет судам однозначно квалифицировать их как допустимые доказательства.

Библиографический список:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 29.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 05.04.2026).

2. Боннер А.Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе : монография / А.Т. Боннер. – М. : Проспект, 2014. (дата обращения 06.04.2026).

3. Электронные доказательства в арбитражном процессе [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: https://zakon.ru/blog/2020/3/23/elektronnye_dokazatelstva_v_arbitrazhnom_processe (дата обращения 06.04.2024).

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 06.04.2026).

5. О способах разрешения споров, возникающих из смарт-контрактов [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sposobah-razresheniya-sporov-voznikayuschih-iz-smart-kontraktov> (дата обращения 06.04.2026).

6. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 20.02.2026) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 06.04.2026).

7. Особенности использования электронных доказательств в арбитражном процессе [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ispolzovaniya-elektronnyh-dokazatelstv-v-arbitrazhnom-protseste> (дата обращения 06.04.2026).

8. Решетникова И.В. Доказывание в гражданском процессе : учебно-практическое пособие [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://urait.ru/book/dokazyvanie-v-grazhdanskom-processe-559719> (дата обращения 06.04.2026).